

Чжоу Хуайцзина затолкали в машину, связали ему руки за спиной и завязали глаза черной повязкой. В машине пахло холодным ароматом, в котором сквозила легкая примесь лекарств.

Знакомый запах.

Чжоу Хуайцзин, едва дыша, ожидал, когда «похитители» доставят его к тому человеку. Он тихо сидел в машине, не шумя и не буяня, и в сердце даже появилась толика предвкушения.

А Ли, которому поручили похищение, украдкой поглядывал на него, убеждаясь, что он действительно не ошибся с жертвой. Он вдруг осознал, что если непонимание второго господина Лу можно было стерпеть, то мышление старшекласника было для него полной загадкой.

Накануне второй господин Лу приказал обрить Чжоу Хуайцзина наголо. Парикмахер с грустью в глазах смотрел на результат своей работы, испытывая странное чувство.

Парикмахер подумал: «В этой жизни я больше не буду стричь под ноль».

Второй господин Лу, поглаживая круглую голову с короткими щетинками, заметил, как его черты стали более выразительными, а контуры лица — глубже. Удовлетворенно улыбнувшись, он повернулся к А Ли и сказал:

— Завтра утром отправляйся и приведи его ко мне. Свяжи его.

Почему вместо того, чтобы просто попросить, нужно было использовать силу?

И если уж решил связать, то зачем закрывать глаза черной повязкой? Второй господин Лу встал рано утром, принял ванну, переоделся, поправил галстук перед зеркалом, облачившись в элегантный костюм, и даже надушился. Зачем все это?

Ведь молодой Чжоу все равно ничего не увидит.

Чжоу Хуайцзин почувствовал, как машина повернула за угол, затем еще один, и, похоже, останавливаться она не собиралась. Он не выдержал и спросил:

— Сэр, мы скоро приедем?

А Ли подумал: «Черт возьми, мой интеллект подвергается оскорблению».

А Ли грубым голосом, чтобы тот не запомнил его голос — ведь говорят, что музыканты чувствительны к звукам, — ответил:

— Скоро, скоро.

Чжоу Хуайцзин втянул голову в плечи, как маленькое животное, и снова лег, его профиль выглядел спокойным и безмятежным.

Прошло около десяти минут, машина то ехала, то останавливалась, вероятно, из-за светофоров.

Чжоу Хуайцзин нервно втянул нос:

— Скажите, пожалуйста... сколько еще ехать?

Утренний час пик, и он тоже не хотел так затягивать, ведь по возвращении ему, возможно,

придется выслушать выговор от второго господина. Но почему его «жертва» оказалась более нетерпеливой, чем он сам?

А Ли был в полном недоумении. Он совершил столько плохих поступков, но впервые почувствовал, что, если не завершить это дело побыстрее, он просто не сможет смотреть в глаза жертве.

А Ли с горькой миной ответил:

— Сейчас пробки, скоро приедем.

Он чуть было не добавил «не торопись», но, оглянувшись на ситуацию, решил промолчать.

Пробка затянулась на целый час. Наконец машина остановилась у виллы. А Ли открыл дверь, собираясь вынести Чжоу Хуайцзина, но второй господин Лу, стоявший у окна и уже почти превратившийся в «камень ожидания», увидел машину и поспешно вышел, оттолкнул А Ли и сам наклонился, чтобы крепко обнять Чжоу Хуайцзина.

Окружающая обстановка была тихой и умиротворенной. Чжоу Хуайцзин ждал, когда кто-то выведет его из машины, как вдруг почувствовал холодный аромат, а затем его обняли широкие руки, и он оказался в объятиях, как принцесса.

Легкий ветерок, шелест ветвей, едва слышный шорох листьев и стук сердца.

Ухо Чжоу Хуайцзина прижалось к груди человека, и он услышал здоровый, сильный ритм, торопливо свидетельствующий о нетерпении хозяина.

Воздух словно наполнился загустителем, становясь все более вязким.

Чжоу Хуайцзин услышал, как птица внезапно тихо запела и взмахнула крыльями, раскачивая ветви.

Он инстинктивно хотел обнять давно ожидаемого человека, но его руки были связаны веревками, и он не мог пошевелиться.

В ноздри ударил холодный, глубокий аромат мужчины, который почему-то заставлял расслабиться и с радостью погрузиться в него. В ушах прозвучал низкий, магнетический голос с легкой ноткой ленивого соблазна:

— Не двигайся.

Чжоу Хуайцзин послушался и замер.

Двигаясь, Чжоу Хуайцзин понял, что они вошли в дом, и Лу И мягко уложил его на диван. Чжоу Хуайцзин хотел назвать его по имени, но сейчас это было бы неуместно. Лу И, похоже, не знал, что его личность уже раскрыта, и Чжоу Хуайцзин боялся, что его внезапность может напугать его.

Не зная, что его образ настолько хрупок, что требует защиты, второй господин Лу был очень доволен его послушанием. Он с утра еще ничего не ел, приготовил еду и ждал, чтобы поесть вместе с Чжоу Хуайцзином, но сейчас уже было десять утра, и, если они поедят сейчас, Чжоу Хуайцзин, возможно, не сможет пообедать позже.

Второй господин Лу заметил, что его губы сухие, и принес стакан воды, поднеся его к губам

Чжоу Хуайцзина. Тот сделал глоток, чтобы смочить горло, а затем выпил весь стакан, держа его руками Лу И.

В сердце Лу И возникло чувство удовлетворения, как будто он вырастил милое маленькое существо. Его фантазия о превращении Чжоу Хуайцзина в марионетку мгновенно разрушилась, заменившись идеей о воспитании маленького зверька по имени Чжоу Хуайцзин, который будет послушно сидеть у него на руках, пить воду, которую он ему даст, есть еду, которую он ему предложит, и даже в таких интимных делах, как поход в туалет, он сам будет нести его на руках.

Эта фантазия была настолько прекрасной, что вызывала в нем больше волнения и надежд, чем когда-либо прежде.

Голос мужчины наполнился радостью, вызывая легкую вибрацию в груди, которую Чжоу Хуайцзин мог почувствовать, находясь в его объятиях:

— Ты знаешь, кто я?

Чжоу Хуайцзин на мгновение заколебался, затем спросил:

— Кто ты?

Он недавно понял, что нужно сохранять достоинство других людей, и это было сложно. Чжоу Хуайцзин искренне желал, чтобы в мире существовала линейка, которая могла бы помочь ему легко измерять свои поступки.

Если человек не хочет, чтобы он знал, возможно, он может притвориться, что не знает.

Особенно после пережитых в прошлой жизни разлук и потерь, в сердце Чжоу Хуайцзина все еще оставался страх, что, если он будет неосторожен, Лу И бросит его.

В отличие от прошлой жизни, люди, вероятно, становятся более жадными. Теперь он хотел семью, друзей и Лу И.

Лу И обнял его, и его теплые выдохи коснулись его уха.

Чжоу Хуайцзин почувствовал, как его мочка уха нагрелась, когда две мягкие губы нежно коснулись ее. Зубы Лу И слегка прикусили ее, играя, а затем он услышал, как Лу И сказал:

— Я твой хозяин.

Хозяин?

Чжоу Хуайцзин задумался: значит, Лу И все еще хочет заботиться о нем? Легкая сладость разлилась по его сердцу, и все его тело словно погрузилось в теплую воду, вызывая чувство счастья и комфорта.

Чжоу Хуайцзин словно увидел, как ленивая жизнь в постели манит его, и он с радостью хотел сыграть «Канон». Скоро зима, и, похоже, он уже почти обрел большой теплый источник.

Юноша в его объятиях, казалось, был настолько ошеломлен, что не мог ответить. Лу И заметил, как его губы сжались в прямую линию, и в его сердце возникла нежность. Смотри, какой он бедняжка, кажется, он напуган.

Но он не собирался отпускать его.

— Ты не сможешь сопротивляться моим приказам.

Лу И вдохнул аромат его волос. Мальчик пах так вкусно, что у него разыгрался аппетит.

Считая себя заботливым, он погладил затылок Чжоу Хуайцзина, как кошку, и нежно «утешил» его:

— Не бойся, малыш, если ты будешь слушаться меня...

Он прикусил мочку уха юноши, и его горячее дыхание обожгло его. Мягким голосом он произнес слова, полные угроз:

— Я не расскажу твоему дяде, тете и двоюродному брату.

Что могло быть более удовлетворяющим, чем контроль над каждым движением юноши? Лу И был настолько взволнован, что его пальцы дрожали. Как только он представлял, как Чжоу Хуайцзин беспомощно следует его указаниям, оставаясь у него на глазах, он не мог оставаться спокойным.

Шантаж? И что с того?

Лу И не волновало, был ли Чжоу Хуайцзин вынужден подчиняться. Наоборот, только если Чжоу Хуайцзин был вынужден оставаться рядом с ним, он мог чувствовать себя спокойно. Человеческое сердце слишком непредсказуемо — страх, беспомощность, радость, подозрения. У него не было детектора эмоций, и только видимая угроза могла заставить его поверить, что Чжоу Хуайцзин не уйдет.

К сожалению, его попытка «наказать, а затем дать конфету» не была понята Чжоу Хуайцзином.

Он был готов слушаться Лу И, ведь Лу И не причинит ему вреда. Последние десять лет он привык следовать его указаниям.

Лу И говорил ему поесть — он послушно ел.

Лу И говорил ему лечь спать — он тихо засыпал.

Лу И говорил, что на улице холодно, и звал его в свои объятия — он перекатывался с одной стороны кровати на другую, чтобы оказаться в теплых руках.

<http://bllate.org/book/16647/1525346>